

С. В. Зацаринный

Тульский областной краеведческий музей, Тула

Ружейные отвертки-огнива¹ XVII века из культурного слоя Тульского кремля (к вопросу о типологии и хронологии части позднесредневековых кресал)

Период позднего Средневековья и раннего Нового времени на Руси совпадает с начальным этапом распространения ручного огнестрельного оружия, оснащенного ударно-спусковым механизмом, включающим до нескольких десятков различных деталей. В XVI–XVII вв. широко применялись ружья с фитильными замками (жаграми), крепившимися без использования метизов с резьбой. Эксплуатация таких замков не предполагала применения специальных инструментов. Однако постепенная модернизация ручного огнестрельного оружия привела в начале XVII в. к массовому внедрению кремневых (завесных) замков (*Мышковский, 1965. С. 189*), в более сложной конструкции которых уже использовались резьбовые соединения отдельных деталей посредством винтов и колков. Необходимость регулярного технического обслуживания таких замков обусловила появление и распространение в среде представителей военно-служилого сословия специальных инструментов – ружейных приборов, значительная часть которых была образована путем «модернизации» отдельных типов бытовых огнив.

Ружейный прибор² использовался в основном для откручивания-закручивания винтов (колков)

в доску ружейного замка, посредством которых к ней крепились другие детали (курок с курковой накладкой, огниво, предохранитель-собачка, боевая пружина, пружина шептала, подогнивная пружина, ограничитель движения курка вперед и т. п.), набор которых определялся его конструкцией. Чаще других отворачивался винт (или колок), зажимающий кремень между верхней и нижней губками курка. Почти во всех замках, распространенных в Московском государстве (русском, карельском, шотландском, турецком), использовались винты с полукруглой головкой и прямым шлицем (*Мышковский, 1965; Маковская, 1992*). Следовательно, и их фиксация производилась посредством соответствующей отвертки³.

Начало изучения археологизированных позднесредневековых ружейных инструментов было положено московским археологом Р. Л. Розенфельдом, который впервые проанализировал и в 1958 г. частично опубликовал коллекцию ружейных приборов, собранных инженером В. А. Политковским на рубеже XIX–XX вв. на территории военного лагеря Лжедмитрия II в с. Спас-Тушино и хранящуюся ныне в ГИМ (*Розенфельдт, 1958*).

¹ В связи с тем, что рассматриваемые предметы являлись, судя по всему, многофункциональными орудиями, использовавшимися как по своему первоначальному назначению (как огнива), так и по привнесенному (оружейный инструмент), представляется логичным именовать их на данном этапе собирательным термином «отвертки-огнива».

² В данной статье мы используем узкое значение термина «ружейный прибор», под которым понимаются ружейные ключи и отвертки (в широком смысле этот же термин распространяется на шомполы, пулелейки, пороховницы и пр.). Функции ружейных ключей и ружейных отверток также в реальности являлись более широкими, так как помимо обслуживания механизмов ручного огнестрельного оружия они, очевидно, использовались и для сборки-разборки винтовых соединений иных предметов боевого снаряжения этого времени (например, пороховниц, тулумбасов и т. п.) (*Ефимов, 2016. С. 29; Охота русских царей... С. 19*).

³ Тезис А. В. Никитина относительно того, что «кремневый замок крепился в XVI–XVII вв. ... винтами с резьбой, которые заканчивались чаще (курсив мой. – С.З.) квадратными головками (иногда со шлицами)» (*Никитин, 1971. С. 40*), не выглядит убедительным в силу отсутствия доказательной базы.

В этой работе автором выделено три типа ружейных приборов.

Тип 1 – сложнопрофилированные вытянутые пластины с выделенной рукоятью квадратного сечения и петлей для подвешивания. В плоскости пластины имеются квадратные и прямоугольные отверстия, а конец бруска раскован под отвертку.

Тип 2 – короткие бруски прямоугольного сечения с втульчатым основанием, заостренным под отвертку противоположным краем и пробитыми в плоскости пластины несколькими квадратными отверстиями.

Тип 3 – двулезвийные кресала⁴ миндалевидных очертаний с узкой, сходящейся к концам центральной прорезью с парными фигурными вырезами треугольной формы. Один их конец заострялся под отвертку, тогда как противоположный снабжался сквозным отверстием для подвешивания к поясу.

Как нам представляется, ружейные приборы этих типов, вероятнее всего, предназначались для обслуживания ударно-спусковых механизмов замков преимущественно европейского ручного огнестрельного оружия, главным образом так называемых колесцовых замков. Именно в их конструкции присутствует взводный четырехгранный стержень колеса (под ключ с квадратным отверстием) и аналогичные колки для крепления отдельных деталей замка. Не случайно ружейные приборы двух первых типов происходят исключительно с территории Москвы (где широкое распространение передовых образцов европейского огнестрельного оружия среди привилегированной части представителей служилого сословия представляется очевидным фактом) и Тушинского лагеря (где

присутствие европейского воинского контингента с соответствующим вооружением в рассматриваемый период являлось весьма значительным).

Следовательно, за рамками предложенной Р.Л. Розенфельдом типологии ружейных приборов с территории Тушинского лагеря остались (известные этому ученому) овальные и овально-заостренные двулезвийные огнива с овальной или линзовидной центральной прорезью без фигурных вырезов, но имеющие отверстия для подвешивания с одного конца и заостренный под отвертку противоположный конец⁵. Такая отвертка-огниво из «тушинской коллекции» лишь недавно была опубликована О.В. Двуреченским, который указал на то, что подобные «кресала без вырезов также употреблялись как отвертки» (Двуреченский, 2008. С. 69). Справедливости ради следует отметить, что исследователи заполярного города Мангазеи еще в 1981 г. в коллективной монографии высказали аналогичное предположение относительно вытянутого двулезвийного огнива с узкой центральной прорезью и широкими заостренными под отвертку концами (Белов, Овсянников, Старков, 1981. С. 83). Спустя десятилетие в монографическом исследовании так же атрибутировал подобные ружейные приборы из раскопок на поле Берестецкой битвы известный украинский археолог И.К. Свешников (1993. С. 248).

Однако в большинстве научных работ последующего времени рассматриваемые изделия традиционно определялись авторами в лучшем случае как кресала (Бойцов, 1995. С. 262, 264. Рис. 3, 3; Седова, 1997. Рис. 69, 8; Ступан, 2010; Бугис, Стришка, 2014. С. 217; Андреев, 2016. С. 85, 91. Рис. 13)⁶. Исключением является недавняя

⁴ В отечественной археологии применительно к периоду Средневековья железные пластины различных форм, употреблявшиеся для высекания огня, традиционно именуются кресалами. Их типология была разработана Б.А. Колчиным на материалах археологической коллекции Новгорода Великого (Колчин, 1982. С. 161, 163. Рис. 4). Как нам представляется, термин «кресало» стал употребляться для обозначения рассматриваемых предметов уже в Новое время (не ранее XVIII в.) преимущественно в западных губерниях Российской империи (Зеленин, 1991. С. 127) и является, таким образом, анахронизмом по отношению к средневековым изделиям. Что же касается термина «огниво», то его бытование в период развитого и позднего Средневековья надежно зафиксировано письменными источниками этого времени (Словарь древнерусского языка... 2000; Словарь русского языка... 1987. С. 243). В этой связи употребление термина «огниво» в отношении рассматриваемых позднесредневековых артефактов представляется исторически более обоснованным и корректным. Еще одним косвенным, но достаточно весомым аргументом в пользу использования современниками термина «огниво» в отношении публикуемых находок – двулезвийных овальных пластин с узкой центральной прорезью и вытянутыми концами – является их морфологическая близость с бытующими в это же время перекрестиями шпаг и мечей, которые по внешнему сходству с одноименными огнево-спламеняющимися пластинами также именовались огнивами (Словарь русского языка... 1987. С. 243).

⁵ Полагаем, что в русле развития предложенной Р.Л. Розенфельдом типологии в рамках типа 3, объединяющего все двулезвийные отвертки-огнива с центральной прорезью, следует выделить два подтипа, где к подтипу 1 будут отнесены выделенные исследователем ружейные приборы с парными фигурными вырезами на центральной прорези под квадратную головку колка, а ко второму – аналогичные отвертки-огнива без таковых вырезов (т.е. инструменты без функции ключа). Известные сегодня находки калачевидных отверток-огнив могут быть выделены в дальнейшем в тип 4. Что касается ружейных приборов первых двух типов, то мы не видим оснований для полного отрицания их использования в том числе и как огнива.

⁶ В одной из работ коллеги называют их «ручками от разновесов» (Визгалов, Пархимович, 2008. С. 96), в другой – вообще воздерживаются от их атрибуции (Болдин и др., 1999. С. 312–314).

публикация Т. Н. Ульяновой, посвященная находкам предметов средневекового вооружения в г. Коломне (Ульянова, 2008. С. 208). В этой работе исследовательница выделила в отдельную группу ружейные кресала, к которым были отнесены овально-заостренные двулезвийные огнива с вытянутыми концами и линзовидной центральной прорезью (в том числе и без фигурных вырезов). Эти орудия на верхнем конце имели отверстие или петлю для подвешивания, а противоположный их конец был заострен под отвертку.

В период своего бытования ружейные приборы типа 3, вероятнее всего, традиционно именовались огнивами, от которых они унаследовали как общую морфологию, так и функцию высекания огня. В то же время в одном из исторических документов XVII в. ружейные инструменты называются «ключиками отвертными пищальными» (Кутасов, 2009. С. 257). Однако определить, в отношении каких типов ружейных инструментов употреблялось это название, вряд ли возможно.

Таким образом, степень изученности ружейных приборов в целом и особенно той их части, которая возникла путем внесения изменений в конструкцию отдельных типов огнив, все еще остается весьма невысокой. В связи с этим несомненный интерес представляют недавние находки датированных ружейных отверток-огнив XVII в. из г. Тулы.

В 2013–2014 гг. в Тульском кремле был проведен цикл охранных археологических исследований в рамках комплекса мероприятий по музефикации, реконструкции и благоустройству этого объекта историко-культурного наследия и расположенных на его территории памятников архитектуры⁷. Тульский кремль, построенный в 1514–1520 гг. до конца XVII в. являлся действующей крепостью на южной границе Русского государства. В этот период на территории кремля располагались административные учреждения, церковь с приходским кладбищем и «осадные дворы», принадлежавшие преимущественно различным представителям военно-служилого сословия. Таким образом, социальный облик населения приграничной крепости нашел закономерное отражение и в характерных формах его материальной культуры со специфическим вещевым комплексом. Городские слои ранее XVI в. на территории кремля и в исторической части города отсутствуют (Зацаринный, 2017).

Рассматриваемые находки (3 предмета) происходят из трех раскопов, заложенных в северо-западной части кремля на местах будущих фундаментов колонн строящегося музейно-выставочного комплекса «Кремлевский» (раскопы 4, 6, 15). На этом участке средневековой крепости общая мощность культурного слоя (до горизонта рубежа XIX–XX вв.) составляла 1,4–1,8 м, мощность позднесредневековых отложений во всех раскопах не превышала 0,5 м. Культурный слой был сравнительно хорошо стратифицирован, что наряду с представительной серией узкодатирующего вещевого материала и разработанной шкалой эволюции тульской керамики XVI–XIX вв. позволило надежно определять хронологию строительных горизонтов. Траншеи коммуникаций XX в. в раскопах 4 и 6 не затронули слоев и участков, из которых происходят анализируемые предметы.

Тульские ружейные приборы морфологически близки к типу овальных заостренных двулезвийных огнив с овальной центральной прорезью, широко распространенных в эпоху Средневековья на всей территории Евразии. Они отличаются большей длиной за счет вытянутых концов (до 16 см) и формой центральной прорези в виде двояковыпуклой линзы. Кроме того, все отвертки-огнива имеют специальное отверстие (или петлю) для подвешивания к поясу. Следовательно, все они могут быть отнесены к подтипу 2 типа 3 типологии Р. Л. Розенфельда (с предложенными выше дополнениями).

Различия тульских оружейных отверток между собой не столь существенны и касаются в основном размеров и вариантов декоративного оформления поверхности⁸. Приведем краткую характеристику каждого предмета.

Изделие 1 (рис. 1, 1) изготовлено из пластины прямоугольного сечения, расширяющейся в средней части; сохранилось полностью. Вес изделия – 54,0 г. Его общая длина – 154 мм, сечение в средней части – 12×8 мм. Продольная прорезь линзовидной формы имеет длину 71 мм и максимальную ширину 4 мм. Рабочий конец отвертки имеет клиновидное сечение. Он раскован под прямой шлиц шириной 12 мм и толщиной около 1,5 мм. Противоположный верхний конец орудия, имеющий почти квадратное сечение, завершается выделенным узким петлеобразным ушком, развернутым перпендикулярно к фронтальной плоскости

⁷ Исследования проводились отрядом археологической экспедиции ГУК ТО «Объединение «Историко-краеведческий и художественный музей» под руководством автора настоящей статьи.

⁸ Выражаю глубокую благодарность реставратору по металлу высшей категории В. Н. Шмелёву (ФГБУК ГВИПМЗ «Куликово поле») за реставрацию и консервацию публикуемых находок.

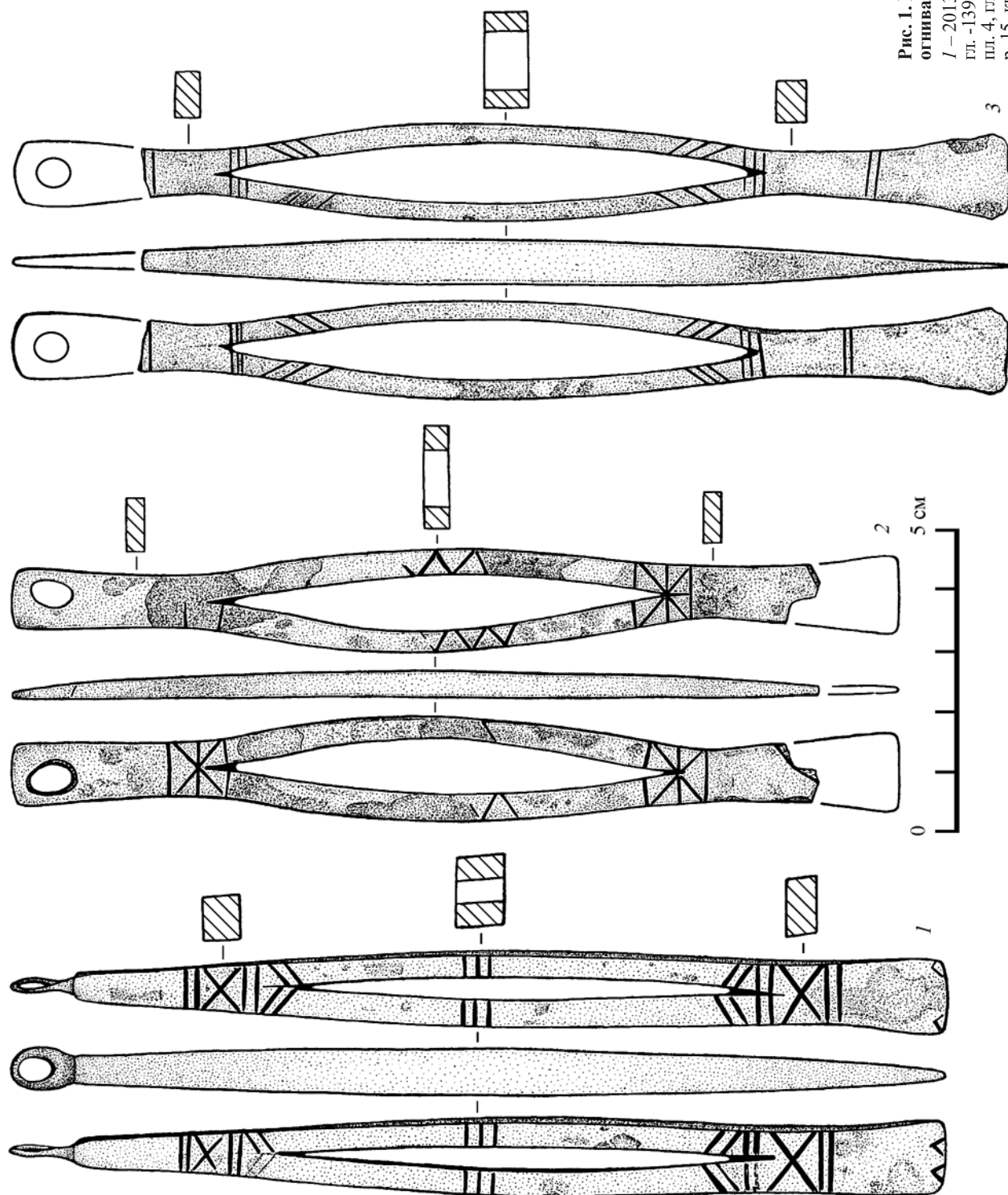

Рис. 1. Ружейные отвертки-огнива из Тульского кремля
1 – 2013 г., р. 4, кв. 4, пл. 5,
гл. -139 см; 2 – 2013 г., р. 6, кв. 1,
пл. 4, гл. -115 см; 3 – 2014 г.,
р. 15, кв. 3, пл. 5, гл. -135 см

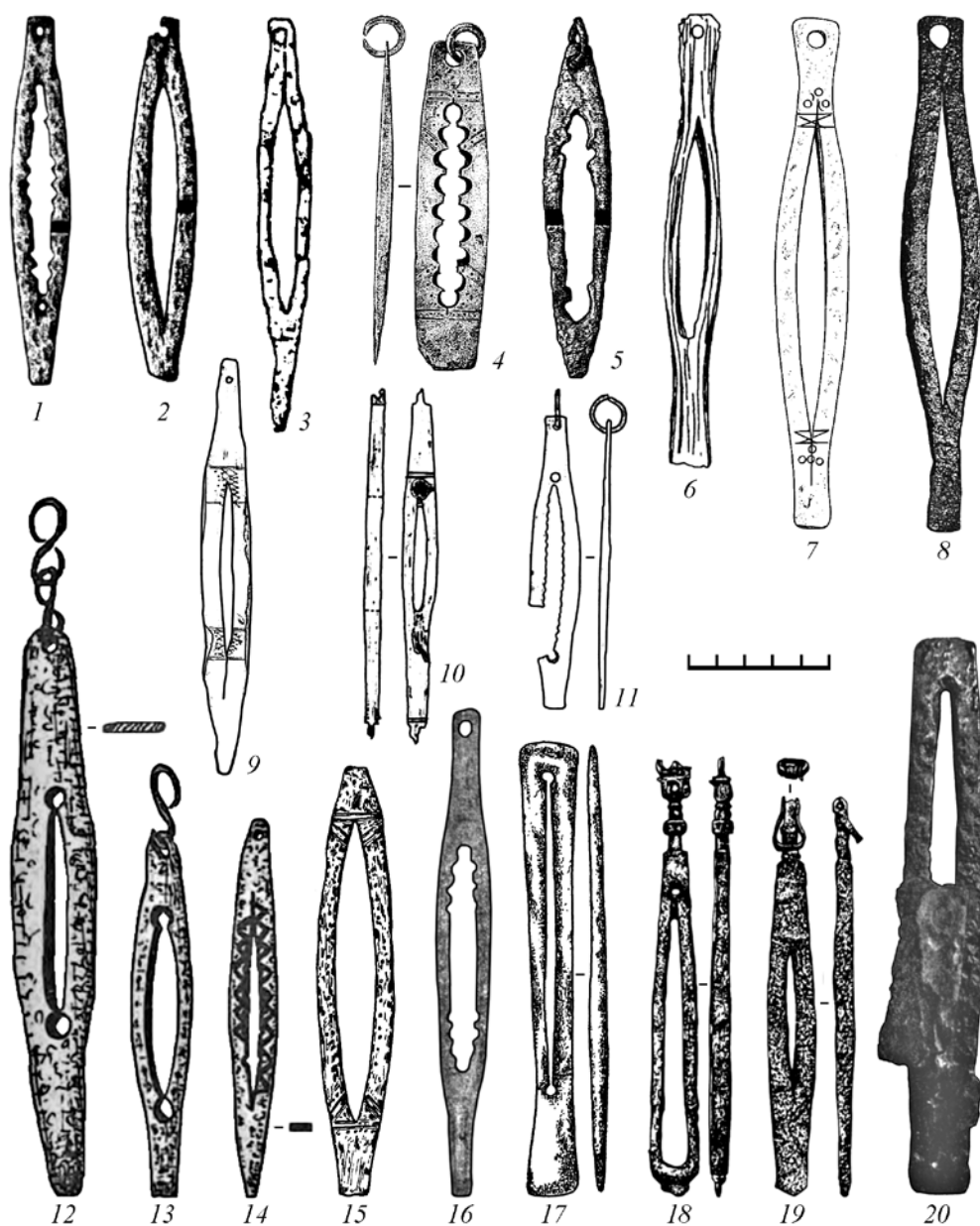

Рис. 2. Опубликованные находки ружейных отверток-огни XVI–XVII вв., типологически близкие «тульским» ружейным приборам (см. Приложение)

инструмента. Размеры овального отверстия проушины – 5×4 мм. Расположение проушины с разворотом 90° градусов по отношению к фронтальной плоскости предмета, по-видимому, свидетельствует о креплении в этом месте подвижной петли для подвешивания. Подобные петли сохранились на ружейных приборах из раскопок Мангазеи (рис. 2, 18–19). Таким же креплением, очевидно, была оформлена и одна из коломенских ружейных отверток (рис. 2, 10). Широкие фронтальные плоскости прибора украшены симметричным рельефным зональным декором, выполненным в технике насечки. С двух сторон от центральной прорези

размещены две композиции, состоящие из косо перекрестия, оконтуренного с двух сторон сведенными прямыми линиями. Внутренняя часть этих композиций соединяется с центральной прорезью двумя сведенными отрезками, образующими таким образом треугольную фигуру. По месту наибольшего расширения изделие орнаментировано тремя параллельными линиями, расположенными перпендикулярно продольной прорези. Прямой рабочий край отвертки также с двух сторон украшен двумя треугольными фигурами, основание которых совпадает с линией шлица. Наличие декора на рабочей поверхности инструмента, возможно,

указывает на ограниченную осведомленность мастера-кузнеца о функциональном назначении этой части орудия.

Изделие 2 (рис. 1, 2) изготовлено из пластины прямоугольного сечения, расширяющейся в средней части; утрачен рабочий край. Вес изделия – 32,0 г. Общая длина сохранившейся части предмета – 133 мм, сечение в средней части – 17,0×4,5 мм. Продольная прорезь линзовидной формы имеет длину 70 мм и максимальную ширину 9 мм. В сторону обоих концов пластина слегка расширяется в плане, а ее толщина, напротив, к краям убывает, образуя форму клина. В верхнем конце орудия пробито сквозное отверстие неправильной овальной формы (7×4 мм). Широкие фронтальные плоскости инструмента украшены симметричным рельефным зональным орнаментом, выполненным в технике насечки. Местами элементы декора утрачены вследствие коррозии металла. С двух сторон у углов центральной линзовидной прорези размещены две композиции, причем конец прорези определяет их центр. Каждая композиция образована пятью линиями. Три линии нанесены параллельно друг другу и перпендикулярно длинной оси центральной прорези, причем центральная линия совпадает с краем прорези, а две другие проведены на одинаковом расстоянии от нее и образуют квадрат. Еще две линии соединяют противоположные углы этого квадрата, разделяя таким образом все поле на треугольные фигуры. В месте наибольшего расширения поверхности разведенных центральной прорезью участков пластины украшены короткими прямыми отрезками, образующими ломаную линию или треугольные фигуры.

Изделие 3 (рис. 1, 3) изготовлено из дрота прямоугольного сечения, расширяющегося в средней части; утрачен верхний край орудия с отверстием для подвешивания. Вес изделия – 38,0 г. Общая длина сохранившейся части предмета – 164 мм, сечение в средней части – 16,0×7,5 мм. Продольная прорезь линзовидной формы имеет длину 85 мм и максимальную ширину 10 мм. Рабочий конец отвертки имеет клиновидное сечение. Он раскопан под прямой шлиц шириной 14 мм и толщиной около 1,0 мм. Широкие фронтальные плоскости инструмента украшены симметричным рельефным зональным декором, выполненным в технике насечки. У противоположных сторон центральной прорези размещены две композиции. Каждая композиция образует подобие треугольника, сторонами которого являются группы из трех параллельных линий. Сторона, являющаяся

основанием треугольника, совпадает с углом линзовидной прорези и расположена перпендикулярно ее длинной оси, а вершина треугольника направлена в сторону центра изделия. На некотором расстоянии от основания этих треугольных композиций вытянутые концы орудия украшены двоянными параллельными линиями, также нанесенными перпендикулярно длинной его оси.

Во всех раскопах рассматриваемые находки происходят из строительного горизонта «пост-темного» времени, сооружения которого существовали, по-видимому, на протяжении всей эпохи царствования первых двух представителей династии Романовых. В раскопе 15 ружейный инструмент был зафиксирован *in situ* на дощатом полу деревянной постройки. Оружейная отвертка из раскопа 4, примыкавшего к раскопу 15, найдена на расстоянии 3,2 м от аналогичного инструмента из раскопа 15 и залегала почти на той же глубине (нивелировочные отметки –139 и –135 см от нулевого репера), но, вероятно, за пределами этого сооружения. Отвертка-огниво из раскопа 6, по-видимому, происходит с площади разобранного деревянного строения, на что указывает (помимо скопления органических остатков) высокая степень насыщенности горизонта ее залегания как массовыми, так и индивидуальными находками.

Серия круговой посуды из горизонта залегания отверток-огнив представлена сосудами, сформованными из нежелезненной глины без визуально фиксируемых примесей на этапах РФК-4–5 (по А. А. Бобринскому). Прозвучавшее в литературе мнение о формовке горшков XVII в. на этапах РФК-6–7 (*Коваль*, 2001. С. 103) представляется неубедительным, поскольку доказательств появления ножного круга в среде производителей керамики коломенского типа в рассматриваемый период представлено не было⁹. Горшки характеризуются приземистыми пропорциями, широким устьем и небольшим диаметром дна. Они имеют вертикальные венчики, внутренний край которых оформлен уплощенным валиком, сформованным путем заворота черного края внутрь сосуда. Внешняя сторона венчиков украшена плотным многорядным линейным орнаментом (рифлением), прочерченным инструментом с острым рабочим концом. В Туле такая керамика бытует на протяжении всего XVII в. (*Зацаринный, Екимов, Наумова*, 2011. С. 196). Она относится к развитым формам посуды МБК-2, которая в XVII в. распространилась

⁹ Упоминание в работе 2001 г. горшков, сформованных по столь высокой технологии, является прискорбным недоразумением (*Прим. ред.*).

на значительной территории Русского государства и имеет единую схему эволюционного пути (Коваль, 2001. С. 103, 106. Рис. 3).

В раскопе 4 из горизонта залегания отвертки-огнива происходит свинцовый ружейный снаряд диаметром 11 мм и весом 8,3 г, а также литое свинцовое изделие в виде диска с центральным отверстием и прорезными «спицами». В раскопе 6 непосредственно с уровня нахождения ружейного инструмента собрана серия из пяти монет XVII в., времени правления царей Михаила Федоровича (?) и Алексея Михайловича Романова. Причем две монеты являются медными копейками периода неудачной денежной реформы 1654–1663 гг. В этом же слое встречено четыре свинцовых снаряда для ручного огнестрельного оружия и винт с прямым шлицем от ружейного замка. Все снаряды имели диаметр в пределах 10,5–11,0 мм и вес 6–7 г.

В раскопе 15 из слоя с отверткой-огнивом происходит серия датирующих находок: медная монета (1655–1663 гг.), рамочный красноглиняный изразец с растительным орнаментом, фрагмент наконечника пики, ружейный болт и шесть свинцовых снарядов для ручного огнестрельного оружия. Шиловидный наконечник пики с пером в виде четырехгранного стержня ромбического сечения относится к разновидности 2 наконечников копий варианта 1в (по О. В. Двуреченскому; 2015. С. 81). В основании пера его грани украшены геометрическим декором, выполненным насечками. Находки наконечников копий с близкой орнаментацией происходят из Москвы и с территории Тушинского лагеря и датируются первой половиной XVII в. (Двуреченский, 2015. С. 87, 89. Рис. 31, 1; 33, 1). Снаряды ручного огнестрельного оружия по весо-размерным характеристикам могут быть разделены на две группы. Первая группа (4 ед.) объединяет снаряды диаметром 10 мм и весом 6–10 г, которые, судя по калибру, могли являться боеприпасами винтовальных пищалей второй половины XVI – начала и середины XVII в., карабина второй половины XVI в. или пистоля первой половины XVII в. Снаряды второй группы имеют диаметр 13 и 15 мм, а вес, соответственно, 15,1 и 17,6 г. Они могли являться боеприпасами карабина второй половины XVII в. или винтовальной пищали конца XVII в. (Маковская, 1992. С. 76. Табл. 1). Во всех раскопах в комплексах с отвертками-огнивами были встречены железные сапожные подковы, как врезные, так и комбинированные.

Как уже отмечалось, рассматриваемые ружейные отвертки-огнива морфологически отличаются от овально-вытянутых огнив наличием продольной прорези линзовидной формы, преимущественно

вытянутыми концами, один из которых оборудован специальным отверстием, выделенным ушком или подвижной петлей для подвешивания, а другой уплощен и оформлен в виде лопатки. Вес этих инструментов в сравнении с традиционными огнивами в целом также несколько возрастает. Как нам представляется, принципиально меняется функциональное назначение продольной прорези. Так, если у традиционных овальных огнив именно она, вероятно, использовалась для крепления изделия к поясному ремню (огниво подвешивалось к нему или на него одевалось), то у ружейных отверток-огнив для этой цели служило отверстие или петля на верхнем конце пластины. При употреблении ружейного прибора для затягивания (или откручивания) ружейных винтов сквозная линзовидная прорезь в инструменте, очевидно, использовалась для продевания в нее пластинчатого изделия (клинка ножа?), применяемого в данном случае в качестве рычага при выполнении поворотных и вращательных движений (рис. 3). На вероятное применение именно ножа косвенно указывает минимальная ширина линзовидной прорези одного из тульских изделий – 4 мм (рис. 1, 1), которая соответствует максимальной ширине спинки ножей того времени как с черенковой, так и с пластинчатой рукоятью. Размеры продольных прорезей у всех отверток-огнив из других регионов (рис. 2) вполне допускают их использование предложенным образом. Походный нож в рассматриваемый период являлся обязательным предметом воинского снаряжения практически всех представителей служилого сословия. При ношении на поясе или в голенище сапога (засапожный нож) он мог применяться для решения любых задач, не исключая и вышеизложенную. В связи с этим вряд ли случайным являлось смежное размещение ножа и ружейной отвертки-огнива на поясе погребенного русского воина из захоронения 1660–1661 гг. (Бугис, Стришка, 2014. С. 214, 219, 220. Рис. 4, 5).

Обобщая характеристику серии ружейных инструментов из Тулы, позволим себе сделать несколько предварительных выводов.

Тульские отвертки-огнива принадлежат к наиболее многочисленной группе отечественных ружейных приборов, возникших в результате усовершенствования бытовых огнив некоторых типов. Они являются неотъемлемой принадлежностью ручного огнестрельного оружия с кремневыми замками. Многофункциональность, компактность, простота в изготовлении и использовании относятся к числу очевидных достоинств рассматриваемых находок в сравнении с более массивными и конструктивно

сложными европейскими ружейными ключами к колесцовым замкам этого же времени (Бехайм, 1995. С. 367. Рис. 563, а, б; Свейников, 1993. С. 245, 247. Рис. 64, 5, 6, 9, 10, 12, 15; 65, 10, 14).

Стратиграфические условия залегания и датированный вещевой материал позволяют определить вероятный период бытования тульских ружейных отверток-огнива в пределах XVII в. (вероятно, за исключением его последней четверти). Эта датировка, возможно, позволит в ряде случаев уточнить хронологические оценки типологически близких изделий, встреченных в позднесредневековых слоях других русских городов.

Отсутствие в Туле находок отверток-огнива других типов, например калачевидных (хотя бытовые огнива этого типа встречаются), свидетельствует о распространении в городе в рассматриваемый период ружейных инструментов овально-вытянутой формы с линзовидной центральной прорезью и вытянутыми концами. Близость морфологии, параметрических данных и техники орнамента тульских ружейных приборов с аналогичными находками из других городов (рис. 2) указывает на определенную стандартизацию этой группы предметов в рассматриваемый период. Тот факт, что тульские отвертки-огнива не имеют на внутренней линзовидной прорези фигурных вырезов «под колки ружейных замков», убедительно свидетельствует о том, что в арсенале гарнизона тульской крепости середины – второй половины XVII в. не имелось ручного огнестрельного оружия с замками, в конструкции которых использовались колки¹⁰.

Орнаментация «тульских» изделий, во-первых, служила для их идентификации, что является признаком значимости и ценности этих предметов, а во-вторых, выполняла эстетическую функцию и, очевидно, свидетельствует о ношении отверток-огнива поверх верхней одежды (на поясе?), где они параллельно являлись и декоративной деталью костюма. Примечательно, что в орнаментации ближайшими аналогиями среди украшенных насечками бытовых железных изделий являются (также подвешиваемые к поясу) ключи от съемных цилиндрических замков

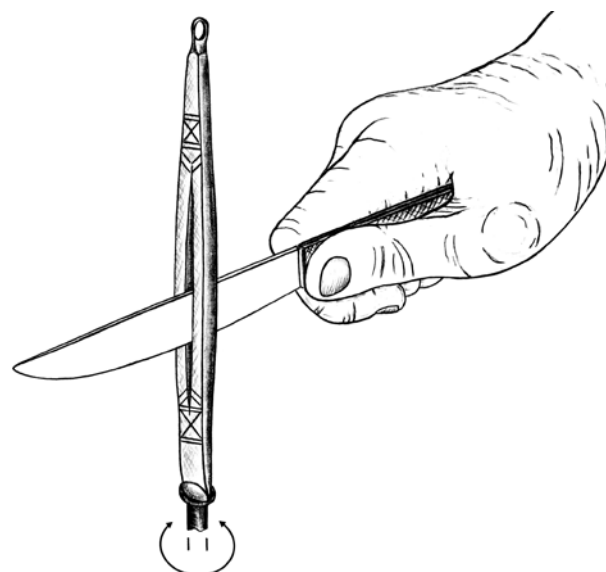

Рис. 3. Использование ножа для усиления вращательного движения ружейной отвертки-огнива в процессе закручивания и отворачивания винтов. Реконструкция автора

типов В и Г по Б. А. Колчину (Хорошев, 1997. С. 15, 16, 252. Табл. 6). Близкий орнамент присутствует и на некоторых предметах вооружения и воинского снаряжения XVII в. из раскопок в Тульском кремле 2013–2014 гг. (копье, стремя).

Локализация всех «тульских» отверток-огнива в пределах жилой зоны осадных дворов и нахождение их в комплексах с иными предметами военного снаряжения и вооружения позволяют относить их к элементам индивидуальной воинской экипировки представителей военно-служивого сословия XVII в. В основном из «воинских» комплексов происходят и оружейные приборы, обнаруженные в других регионах нашего государства (Прил. 1). Последнее наблюдение представляется достаточно важным в связи с тем, что, например, одни и те же ружейные приборы из Тушинского лагеря определяются исследователями не только как *военные инструменты* (Никитин, 1971. С. 57. Табл. 3, 7–8), но и как *инструменты ремесленников-оружейников* (Розенфельдт, 1971. С. 253, 264), что далеко не одно и то же¹¹.

¹⁰ Кроме того, данный вывод подтверждается и тем фактом, что все ружейные винты из раскопок в Тульском кремле имеют полукруглую головку под отвертку с прямым шлицем. По нашим данным, колков пока выявлено не было.

¹¹ Не отрицая наличия у московских мастеров-оружейников подобных инструментов, следует заметить, что все известные на сегодняшний день предметы этого круга (за исключением случайных находок) происходят не из раскопок ремесленных мастерских, а из вещевых комплексов, формирование которых было связано с проживанием или несением воинской службы различными представителями военно-служивого сословия. Одна оружейная отвертка-огниво происходит из вышеупомянутого захоронения «московского» воина (Бугис, Стришка, 2014. С. 214, 219, 220. Рис. 4, 5), целая серия других оружейных приборов – с территории военного лагеря (Розенфельдт, 1958. С. 94. Рис. 32, 1–5, 12; Двуреченский, 2008. С. 84, 85. Рис. 11, 5–9; 12, 10–11) или с поля сражения (Свейников, 1993. С. 245, 247. Рис. 64, 3, 5–6, 9–12, 15; 65, 9–10, 14), в котором мастера-оружейники вряд ли принимали участие.

Приложение

**Опубликованные находки тульских оружейных отверток
(порядковый номер в первом столбце соответствует номеру предмета на рис. 2)**

№ п/п	Место обнаружения	Датировка ¹²	Источники
1	Г. Москва, Тушинский лагерь. Подъемный материал	1608–1610 гг.	<i>Двуреченский</i> , 2008. С. 69, 85. Рис. 12, 11.
2	Г. Москва, Тушинский лагерь. Подъемный материал	1608–1610 гг.	<i>Розенфельдт</i> , 1958. С. 93–94. Рис. 32, 12; <i>Двуреченский</i> , 2008. С. 69, 85. Рис. 12, 10.
3	Г. Москва, Китайгородское подворье Троице-Сергиева монастыря. Шурф 1	Сер. XVII в.	<i>Бойцов</i> , 1995. С. 262, 264, 267. Рис. 3, 3.
4	Г. Москва, Ильинский проезд. Ров стены Китай-города	XVI – нач. XVII вв.	<i>Кутасов</i> , 2009. С. 256, 265. Рис. 4, 2.
5	Г. Епифань, Голинская слобода. Селище «Голино-3» (?)	2-я пол. XVI – нач. XVII в. (до 1609 г.)	<i>Гоняный, Гриценко, Двуреченский</i> , 2011. С. 34–35, 49, 54. Рис. 4, 13.
6	Г. Калуга. Торговая пристань. Подъемный материал	XVII в. (?)	<i>Болдин, Грудинкин, Ефимов, Массалитина, Прошкин, Хохлова</i> , 1999. С. 312–314, 316. Рис. 119, 13.
7	Воронежская обл. Случайная находка	XVII в. (?)	www.reviewdetector.ru [Электронный ресурс] (дата обращения: 14.01.2016).
8	Курская обл., Золотухинский р-н, поселение Переверзево II, 1983 г. P1, слой	XVI–XVII вв.	<i>Андреев</i> , 2016. С. 85, 91. Рис. 13.
9	Г. Коломна, кремль. Культурный слой	XVI–XVIII вв.	<i>Ульянова</i> , 2008. С. 207–208. Рис. 11, 8.
10	Г. Коломна, посад. Яма	1-я пол. XVII в.	<i>Ульянова</i> , 2008. С. 207–208. Рис. 11, 7.
11	Г. Коломна, кремль. Культурный слой	XVI–XVIII вв.	<i>Ульянова</i> , 2008. С. 207–208. Рис. 11, 9.
12	Г. Берестечко (Украина, Волынская обл.). Раскопки на месте сражения	1651 г.	<i>Свешников</i> , 1992. С. 245. Рис. 64, 3.
13	Г. Берестечко (Украина, Волынская обл.). Раскопки на месте сражения	1651 г.	<i>Свешников</i> , 1992. С. 247. Рис. 65, 9.
14	Г. Берестечко (Украина, Волынская обл.). Раскопки на месте сражения	1651 г.	<i>Свешников</i> , 1992. С. 245. Рис. 64, 11.
15	Г. Суздаль, кремль. Культурный слой	X–XV вв.*	<i>Седова</i> , 1997. Рис. 69, 8; <i>Ступан</i> , 2010. С. 29. № 62.
16	Г. Суздаль, посад. Культурный слой	«Домонгольский» слой (до сер. XIII в.)*	<i>Седова, Беленькая</i> , 1981. С. 104, 112. Рис. 6, 3; <i>Ступан</i> , 2010. С. 29. № 62.
17	Г. Мангазея. Культурный слой	XVI–XVII вв.	<i>Белов, Овсянников, Старков</i> , 1981. С. 83, 138. Табл. 69, 9.
18	Г. Мангазея. Культурный слой	XVII в.	<i>Визгалов, Пархимович</i> , 2008. С. 275. Рис. 159, 1.
19	Г. Мангазея. Культурный слой	XVII в.	<i>Визгалов, Пархимович</i> , 2008. С. 275. Рис. 159, 2.
20	Г. Вильнюс (Литва). Погребение «московского» воина (захоронение № 9)	1660–1661 гг.	<i>Бугис, Стришка</i> , 2014. С. 217, 220. Рис. 5.

¹² Звездочкой отмечены те датировки предметов, которые вызывают у нас сомнения. Так, отвертки-огнива, обнаруженные при раскопках детинца и посада г. Суздаля, были отнесены исследователями либо к домонгольскому времени, либо к древнерусскому периоду в целом (*Седова, Беленькая*, 1981. С. 104, 112. Рис. 6, 2–3; *Седова*, 1997. Рис. 69, 8). Наличие на данном памятнике слоев и сооружений XVI–XVIII вв. (*Седова, Беленькая*, 1981. С. 113; *Седова*, 1997. С. 62–136) и присутствие в «древнерусских» слоях других позднесредневековых предметов, судя по публикациям, заставляют усомниться в однозначности хронологической оценки этих находок и их атрибуции.

Литература

- Андреев А. А., 2016. Предметы позднесредневекового русского вооружения и снаряжения из экспозиции и фондов Курского государственного областного музея археологии // Город Средневековья и раннего Нового времени – II (V): археология, история. Матер. V Всерос. семинара. Ноябрь 2013. Тула. С. 83–91.
- Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф., 1981. Мангазея – материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. Ч. 2. М.: Наука. 148 с.
- Бехайм В., 1995. Энциклопедия оружия. СПб.: Санкт-Петербург оркестр. 564 с.
- Бойцов И. А., 1995. Производственное сооружение середины XVII в. на Китайгородском подворье Троице-Сергиева монастыря // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М.: Наука. С. 256–269.
- Болдин И. В., Грудинкин Б. В., Ефимов А. Е., Массалитина Г. А., Прошкин О. Л., Хохлова Т. М., 1999. Археология Калужской области. Калуга: Гриф. 376 с.
- Бугис П., Стришка Г., 2014. Новые археологические сведения о захоронениях московского войска на территории вильнюсского великокняжеского дворца // Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 214–220.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., 2008. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург – Нефтеюганск: Магеллан. 296 с.
- Гоняный М. И., Гриценко В. П., Двуреченский О. В., 2011. Комплекс вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из казачьих слобод Епифанского уезда // Военная археология. Вып. 2. М.: Русская панорама. С. 32–57.
- Двуреченский О. В., 2008. Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на территории Тушинского лагеря // Военная археология. Вып. 1. М.: Квадрига. С. 55–93.
- Двуреченский О. В., 2015. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. Тула: ГМЗ «Куликово поле». 498 с.
- Ефимов Ю. Г., 2016. Эпоха рыцарства. Западноевропейское оружие IX–XVII вв. Старинное оружие из собрания Государственного Эрмитажа. Тула: Бюро-Пресс. 36 с.
- Зацаринный С. В., Екимов Ю. Г., Наумова Т. В., 2011. Керамические комплексы XVI – начала XIX века из раскопа по улице Спортивная, 15 в исторической части Тулы // Позднесредневековый город III: археология и история. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 111–203.
- Зацаринный С. В., 2017. Охранные археологические раскопки на территории Тульского кремля в 2013–2014 гг. (предварительные результаты исследований) // Тульский кремль. Тула: Бюро-Принт. С. 176–194.
- Зеленин Д. К., 1991. Восточнославянская этнография. М.: Наука. 511 с.
- Коваль В. Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1. С. 98–109.
- Колчин Б. А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука. С. 156–177.
- Кутасов П. А., 2009. Предметы вооружения и снаряжения воина XVI–XVII веков, полученные в ходе археологических наблюдений в Ильинском проезде города Москвы // АП. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 251–267.
- Маковская Л. К., 1992. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII веков. Определитель. М.: Военное издательство. 200 с.
- Мышковский Е. В., 1965. Замки русского огнестрельного оружия XVI–XVII вв. // СА. № 4. С. 186–198.
- Никитин А. В., 1971. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. М.: Наука. 85 с. (САИ. Вып. Е1-34).
- Охота русских царей и императоров. Из собрания Музеев Московского Кремля. Тула: Бюро-Пресс, 2016. 36 с.
- Розенфельдт Р. Л., 1958. Русский ружейный прибор начала XVII в. // КСИИМК. Вып. 72. С. 93–95.
- Розенфельдт Р. Л., 1971. Инструменты московских ремесленников // Древности Московского Кремля. Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. IV. С. 253–267. (МИА. Вып. 167).
- Свеишников И. К., 1993. Битва під Берестечком. Львів: Слово. 304 с.
- Седова М. В., 1997. Суздаль в X–XV веках. М.: Русский мир. 320 с.
- Седова М. В., Беленькая Д. А., 1981. Окольный город Суздаля // Древнерусские города. М.: Наука. С. 95–115.
- Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 6. М.: Русский язык. М.: Азбуковник, 2000. 608 с.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 12. М.: Наука, 1987. 384 с.

Ступан Ю. С., 2010. Железные кресала X–XIX вв. из коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Владимир: Владимиро-Суздальский музей-заповедник. 36 с.

Ульянова Т. Н., 2008. Вооружение средневековой Коломны (XIII–XVII вв.) по материалам

археологических работ 1991–2006 гг. // АП. Вып. 4. М., ИА РАН. С. 195–221.

Хорошев А. С., 1997. Замки, ключи и замочные принадлежности // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука. С. 15–16. (Археология).

S. V. Zatsarinniy

A rifle screwdriver-flint of the 17th century, from the cultural layer of the Tula Kremlin (typological issues and chronology of the late-Medieval ‘kresal’)

Summary

The paper is a write-up of finds from an excavation in the Tula Kremlin, relating to multifunctional tools from the 17th century – and in particular, tools for in-

stalling the locks on flintlock guns. A screwdriver-flint was found alongside other items, suggesting that these tools belonged to persons active in military service.